

Сарафанное Радио

Журнал о живой русской
литературе

№1 (пилот) 2009

В номере:

Константин Комаров
Елена Борноволокova
Артём Филатоф
Лана Сабур
Галина Рымбу
Егор Бакалов
Булат Надыров
Николай Артюшкин
Дмитрий Ким
и многие другие...

ПОЭЗИЯ

проект
ОПГ

ж у р н а л
с о з д а ё т с я
и распространяется при
информационной поддержке
М и р о в о г о З л а ™

Литературный альманах “Сарафанное Радио”

может себе позволить игнорировать графоманов
не является продуктом инопланетных
информационных технологий
не транслирует никаких идеологий
безразлично относится к критике
ни перед кем не отчитывается
никому ничего не обязан
никого не рекламирует
не содержит ГМО

Проект ОПГ (Объединённая поэтическая группировка)
представляет литературный электронный журнал
“Сарафанное радио”

Основной выпуск журнала выходит два раза в год
(в июне и декабре)

Рукописи авторов принимаются к рассмотрению
до 15 числа, месяца, предшествующего выходу журнала.
Рукописи не рецензируются.

Редакторская коллегия:

Дмитрий Ким (главный редактор) - drink_or_die@mail.ru
телефон: +79123512864, ICQ 415887831, ВКОНТАКТЕ: <http://vkontakte.ru/id11304088?57243>;
Владимир Крун - lastautumn@list.ru;
Ирина Архалова - arhalova@rambler.ru

Журнал “Сарафанное радио” готов сотрудничать с молодыми талантливыми авторами (логическое ударение на слове ТАЛАНТЛИВЫМИ) любых жанров, любых писательских организаций и объединений, пишущих на русском языке.

Наша группа ВКОНТАКТЕ): <http://vkontakte.ru/club5786756>
Наш сайт: www.saradio.ucoz.ru

Если вы высылаете нам свои произведения по e-mail, пожалуйста, прикрепляйте к письму краткие сведения о себе.

Если один редактор отказал вам в публикации, не пишите другому. Решения принимаются коллегиально.

В этом номере:

Татьяна Шишкина
Лилия Солтанова
Булат Надыров
Лана Сабур
Артём Филатоф
Дарья Серенко
Мария Четверикова
Галина Рымбу
Елена Борноволокова
Сергей Васильченко
Егор Бакалов
Нучча

Екатерина Смитиенко
Николай Артюшкин
Константин Комаров
Анастасия Бугрышева
Николай Эйхвальд
Ника
Влада Абаимова
Роман Ефремов
Владимир Крун
Travis Disco
Денис Домарёв
Дарья Тишакова

Татьяна Шишкина Сюда не доходят звуки...

***

Сюда не доходят звуки,
Но каждая тень близка.
А буквы смешны и хрупки
На кончике языка.

И яблоком пахнет прелым,
И пахнет сырым двором...
А полночь окостенела,
Прижавшись к террасе лбом.

Я вспомнить пытаюсь что-то
Из прежних моих молитв
И пальцами глажу фото
Одной из картин Дали.

Учусь не искать знамений
(Былое – уже не в счёт).
Пусть лучше меня заменит
Какой-нибудь звездочёт,

Не тонущий в дикой прорве
Ночей, предсказаний, лиц...
И пусть, если можно, кормит
Собаку мою... и птиц.

***

Зимний день – бездонный котлован –
Пустотой доводит до озноба.
Множатся корявые слова –
Перевод с английского, должно быть.

Магазин впаяли прямо в лёд.
Всюду – деревянные движенья.
Пусть меня автобус заберёт
От немых витринных отражений.

Через тучи снега и машин...
Но куда? – где нет машин и снега?
Знай себе, бывшее вороши
И живи предчувствием побега.

А в салоне душно и светло.
Сумерки ныряют под колёса.
Хорошо, что толстое стекло
От мороза сделалось белёсым –

Не видать озлобленных людей,
И шальных машин не видно вроде.
В безотчётном ворохе идей
Есть одна – о русском ледоходе.

***

Море шумит, как дети,
На берег выносит камни.
Бьётся об окна ветер
Синими плавниками.

Кольцами чуть звеня,
Зашелестела штора.
Будет ли град? Плашмя
Туча легла на город.

Видно, что он застыл,
Сжался в преддверьи града.
Жалко, побьёт цветы
В майских просторах сада.

Лягут кусты ничком...
И, от раската вздрогнув,
Крепко закрою окна
(Перекрестясь тайком).

Татьяна Шишкина Сюда не доходят звуки...

***

В детство вернуться на миг...
Небо всё выше и выше.
Ветра шершавый язык
Щёки горячие лижет.

Девочка в лёгком пальто
Смотрит волчком сквозь космы.
Нужно ли знать ей о том,
Что называется "взрослым" –

Тёмным, созревшим, как мед?
Я же не ведала тоже,
Как обжигают лжет
Солнце с прокуренной кожей.

Ветер озяб и устал;
Делим пальто с ним отчасти.
Боже, зачем же ты внял
Детским молитвам о счастье...

***

Твой город, твои парапеты,
Бутылка холодного чая.
И море потёртого цвета
Под брюхом прожорливых чаек.
Я вижу, что солнце всё то же
На стёклах вчерашних маршруток,
И заново чувствую кожей
Тугой временной промежутком,
Где звуки людских междометий
Закатами спаяны крепко
И вечно рождаются дети
В исхоженных шахматных клетках.
А я – босоногая, в джинсах.
С обеда – всё тем же маршрутом.
Мой старый попутчик божится,
Клянётся строкой Воннегута,
Что он различает рассветы,
И всё, что познал, перечислил.
Он видит, что я не одета
И кутаюсь в прежние мысли,
Как бабка в протёртые шали,
Как нищий в чужие обноски.
Он смотрит и нежно, и жёстко,
Рукой полируя скрижали.

«Не бойся ни плётки, ни блажи.
Не трусь, моя девочка, полно!»
Он больше ни слова не скажет,
Но всякую просьбу исполнит.

И станет губами цепляться,
И гладить кудрявое темя.
Он знает: я чувствую время,
Я тоже мечтаю остаться.

И держит бродяга-затейник
В карманах желанную пищу.
И медный мой крестик нателный
Шершавыми пальцами ищет.

Татьяна Шишкина Сюда не доходят звуки...

Петербург

На стене не висит
    мой большой карандашный портрет.
В нём так мало меня,
    и так много от питерских улиц...
И в свинцовых штрихах
    пять чужих, мной не прожитых лет
Затаились...
и мысли – забытые мысли –
некстати вернулись.

В деревянной дешёвенькой раме
    он стоит на полу.
Если б можно, чтоб память в нём тоже
    одеревенела:
Чтоб не помнить
Ни Площадь искусств,
Ни богемный трактир на углу...
Чтобы нищенка та
    возле Летнего сада не пела.

За лампадкой на полке
    Есть несколько светлых икон.
За иконами – Бог
    и его бесконечная воля.
За портретом моим –
лишь Нева,
    и не плеск, а почти перезвон...
И мешает идти
    мелкий гравий на Марсовом поле.

Вот книги, вот люстра;
Комод погрузили –
И вдруг стало пусто,
И дверь не закрыли...
И воздухом тёплым
Льнет глупая жалость:
Пойти посмотреть бы,
На то, что осталось...
Перила, пролёты...
Сырые ступени.
Бегут от кого-то
Размытые тени,
Бегут по стенам
Чередой непрерывной...
Здесь тихо, но с улицы –
Голос призывный.
Присесть на ступеньку,
Колени обнявши...
Тут сердце двоится.
Тут воздух размякший...
Тут старых отметин
Какая-то малость.
Уедем?.. Уедем.
А я бы осталась...

*Лилия Солтанова
Коралловый шелест
латыни...*

***

Надежды – глупые мультфильмы,
Как будто ноты в облаках,
Любви прыгучие разминки
На тридесяти этажах.
Но, Боже мой, какая мука –
Отвергнув музыки прибой,
Быть выше звезд и пить разлуку,
Как будто кофе ледяной.
В осеннем воздухе из стали
Кленового листа полет
Рисует дивные спирали,
Ополоумев от высот.
И так же сердце нараспашку,
В тебя влюбившись как на грех,
Содрав последнюю рубашку,
Дарует нежность без помех.
Так обняла бы, задохнувшись
От чуда бледности твоей,
Одной надеждой прикоснувшись
К возможности безумных дней.

***

Коралловый шелест латыни
В гортани. Бельканто навзрыд.
Серебряный пояс гордыни
Сегодня меж терний забыт.

Ищи меня в списке открытий,
Пронзивших тебя как недуг,
Историй, предчувствий, наитий-
Тень стрелки, кончающей круг.

Дрожит малокровная роза.
Шум города ночью – в окно.
Стремится моя лакримоза
Обрушиться ливнем на дно.

Люби меня таинством Леты,
Меня от себя укрывай,
Я буду шестым континентом,
Тебе обещающим рай.

***

Гончар вылепил мою душу
из теплой живой глины.
Мои уста наполнил шепот
                влажных колокольчиков.
Всю ночь квакали лягушки.
Земля смотрела на небо глазами озер.
На небе открылась дверь в непознанное.
А утром пришла кошка,
улеглась рядом.
Изумрудное солнце
отразилось в каждой половинке
ее лунообразных глаз.

*Лилия Солтанова
Коралловый шелест
латыни...*

... И нечем расплатиться.
Разве что юностью,
Криком птицы, летящей над пропастью,
Весенним долгим дождем,
Детским вниманием
К законной живописи.
И нечего ставить на карту:
Чет или нечет –
Все перепуталось –
День или вечер?
Ночь белая,
Любовь моя – беженка,
Скрывается в делях бессознательного –
Последняя страсть моя –
Дикая пташка,
Алконост безудержный.
Горькая доля моя – знание,
Силится разум
Засыпать пустоты звездами,
Перепахать целину
И найти свое слово нагорное,
А еще удержать в ладонях – тебя.
Не улетай!
Хотя бы на мгновение.
И за это можно расплатиться
Жизнью и жимолостью.

***
Чтобы тебя любить,
нужно видеть сны очень спокойные,
через кожу душу твою слушать,
в ней – омуты темные,
небеса бездонные,
нарисованные Брейгелем.
Получится только у солнца,
что самозабвенно
к закату клонится.
Чтобы любить тебя,
мне не надо быть рядом,
сухие листья собирать,
пить Сицилийское небо (без запаха).
Просто быть уже недостаточно.
Опутываю тебя сказками.
Ведь это же только мгновение –
непоправимая молодость.
Раскрой объятия для вечности,
и мы будем птицами.
Чтобы любить тебя,
нужно быть серьезной
и слушать ласточек.

***
Дальний родственник финской березы,
Нарисованный вниз головой,
И дождя запоздалые слезы
С поднебесья хрустальной рекой.
Снова небо в колодцах и кадках,
Турмалином сверкает река,
Распускается нежно красавка
Под седой пятерней паука.
Мы узнаем, что было и будет,
Нам объявят решение тьмы,
Как обычно в июле по небу
Полетят голубые слоны.
И глаза твои от ожидания
Станут самую малость светлей,
Как страницы святого Писанья
В клювах зимних чтецов – снегирей.

Лилия Солтанова
Коралловый шелест
латыни...

Нарисуй мне небо в горошек
и синюю кошку,
бегущую к дому
по желтой дорожке.
Здесь так много бумаг,
зачехленных гитар,
проводов на полу.
Ну а мы посидим в барабанах,
под огромной блестящей тарелкой,
как под зонтом,
будем слушать в одном на двоих плейере
старую кассету.
Нарисуй мне любовь
в соль- миноре дождя:
непричесанную, невозможную,
чистую, как поцелуй воздуха.
Мы встали у края-
готовы лететь, взявшись за руки.
Лучше- пей из моих ладоней
живую воду,
листай детские фотки,
тебе имплантировали мою память,
теперь ты тоже знаешь
холод стекла,
ожидание мамы в квадрате окна.

Километры стихов,
десять трещин на сердце...
Завтра вырастет трава,
окрасит кисть твою.
Небо добавит кобальта,
спустится тебе на плечо
мягким филином, нотой «фа».
Твои глаза знают истину,
когда они остановятся на мне,
лопнет струна:
философия чуда.
Мне тысяча лет,
я еще могу рассказать
о жаре и морозе,
о пустых поездах,
о поэзии в прозе...
Но сейчас-
ты спишь,
положив голову мне на колени,
поэтому очень осторожно
пускаю дым в потолок-
ты знаешь...

***

Вышел сеятель сеять
Звезды каленые,
Вышел в море ночное,
В воды студеные.

Но погасли звезды,
Коснувшись небесной глади,
Оставляя лишь
Точки в моей тетради.

Булат Надыров

Я люблю, когда вот ТАК...

Давай не поедem домой?
Боюсь, что мы будем убиты,
Вдруг поезд на кольцевой
Слетит со своей орбиты

И нам не успеют помочь,
И мы не успеем на ужин,
Давай лучше целую ночь
Гулять по сентябрьским лужам.

Замёрзнем, зайдём в магазин
Под вывеской «24»
И не выпавшийся грузин
Выдаст лучшие вина в мире.

И зайдя в близлежащий подъезд
Или же прямо на ули-
це, мы за один присест
Выдуюм киндзмараули.

И снова в ночной магазин
Под вывеской «24»
Где старый знакомый грузин
Выдаст лучшие вина в мире...

А утром, когда проклянём
Весь мир до седьмого колена,
Без чувств и предчувствий нырнём
В омут метрополитена.

***
Мать с побледневшим лицом,
Как выцветшая картина,
Во всём соглашалась с отцом,
Который кричал на сына

И с острою стрел
Смотрела сестра на брата.
Я перед ними сидел
С видом дегенерата.

И никогда никому
Я не скажу за что же
Было к стыду своему
Сидеть с виноватой рожей
Перед такой хорошей
Семьёй.

***

До забытого мной дома добираюсь я пешком,
Можно было сесть в автобус, только с этим запашком
После вакханальной ночи, лезть в автобус - моветон,
В знак того, что в это время пассажиров - легион.
На мотор опять нет денег, лишь на пачку сигарет
Я собрал по всем карманам горсть оставшихся монет.
И похоже я имею, мягко скажем, мятый вид,
И плевать, зато погода мне вполне благоволит,
Я иду неторопливо сквозь очередной квартал,
Я бы может шел быстрее, если б дома кто-то ждал.
Впрочем, что я... Ждут, конечно! Все поймут, уложат
спать,
Разве что отец ворчливо скажет, посмотрев на мать:
Сколько можно... что такое... ведь ему же столько лет...
Я скажу: - Да ладно, папа... все в порядке, пьяных нет.

Булат Надыров
Я люблю, когда вот ТАК...

На улицах так слякотно и хмуро,
Я чалюсь у приятеля в гостях,
Его жена, очаровательная дура,
Рассказывает мне о лошадях.

Сама ты лошадь – милая подруга!
(Я нервничаю, глядя в потолок)
О, как с тобой порой бывает туго
Вести непринужденный диалог.

Зачем я здесь? Зачем опять не дома?
Я снова совершил неверный ход.
И все не так, все скверно по любому,
И женщина нам выпить не дает

Я один в пустой квартире,
Дверь закрыта на замок,
Я в таком огромном мире
Потерялся и замолк.

Видно осень наступила
Я наверно рад тому,
Я нашёл, что очень мило
Находиться одному,

Ночью растворятся тени,
Окружит приятный мрак,
Я лежу, обняв колени,
Я люблю, когда вот так.

Как-то на улице пенсионерке
Я в чём-то помог, что по нынешним меркам
Не очень обычно. Но так было надо.

На самом же деле всё это бравлада,
Ибо я ей помогал за спасибо,
Что тоже в какой-то там мере награда.

Но главной причиной стало не это.
В девушке дело – в подружке поэта.
Она была рядом и я специально
Был так благороден (что в общем банально)

Чтобы в её приподнятых глазах,
Чтобы воскликнула девушка: - «Ах!!!
Надыров Булат
Вы вовсе не гад,
Как казалось на первых порах!»

Лана Сабур Дубовое зёрнышко...

***

найду дубовое зернышко,
посажу его дома в вазу,
дважды в день поливать буду
только шипящим:
тишиною и шутками,
шампанским и кашей...
наше дерево счастья
вырастет говорящим.
плодоносить будет вишней.
сок выделять бродящий.
и на него слетятся
все кому скучно и страшно.
ленточками украсим,
узелки – на удачу.
в дупле загнездится солнце,
луна под корнями спрячется.
знаешь, мы теперь можем
выходить на трассу,
по которой летают ангелы
на самых быстрых
«американцах».

***

богомол за столом хлебает овсянку
рядом в плошке варенье, но он ест несладкое
он поставил сам себе ультиматум,
предъявив перед богом список желаний

и теперь он занят – обет послушания
очень много времени отнимает...
ни на что он внимания не обращает
и случайно давится сырым мясом
когда каша его просто переполняет

он в отключке, и кажется говорящей ему
миска эмалированная громыхающая:
«вот теперь расхлебывай свою кашу!
думал бог – просто филин, бог – просто
квакша?»
не по зубам... да и дело не наше...
вот тебе богомол твоя каша и папоротник на
воротник.

***

интеллигенты с книжками
прижатыми к груди
носятся вверх-вниз
на эскалаторе они прочитывают страницу
...это самая читающая столица
в которой писатели как крупницы
или иголки или вены
они здесь теряются непременно
они ведь ехали не сено косить
и не наполнять стены
одного-другого помещения
перевернутые песочные часы...
где-то на лестницах
на полпути
в какую-то редакцию или мэрию
они застревают несмотря на размеры
и ждут пока придет пиар-менеджер
и перевернет часы
и посыплется новое на радость
интеллигентам

Лана Сабур *Дубовое зёрнышко...*

ХУДОЖНИК (В ОЖИДАНИИ ШЕДЕВРА...)

ленивый художник вынашивал свой план
каждый день
выжимая за граммом грамм
под подушкой
кисти стояли в углу
сухие и безжизненные как труп

- я тебя нарисую!
свинтившийся стул и свернувшаяся в кольцо кошка!
он ткнул пальцем в них и снова вздремнул...
как я мог не замечать этого изгиба! -
сказал он, когда проснулся...
но

выбирая время удобное чтоб
писать картину
он состарился и стал слеповат
в упадок пришли и комната,
и его оклад от союза художников
а кошка загуляла, родила котят
и была разорвана собаками.

СОНИ САДОВЫЕ

в дупле пробкового дерева
мирно посапывают садовые сони.
что их заботит – ничто,
только лягушки бродящие
по заболоченному саду,
которых сони считают своими друзьями.
из жалости они бросают им плоды
познания,
на которые те не обращают внимания,
лязгают наростами челюстными
и пяточками копают под корнями жижу,
едят мух и ничего не видят,
кроме своей жажды найти себе пару.

ИНЫЕ МИРЫ

приходи ко мне в гости
принеси в руках тапки
оставь свои туфли в прихожей
пусть они множатся
разделяясь надвое
на мужские и женские
стеснительные и свободные
молодые и старые
гламурные и походные
я частенько устраиваю такое
общенародное собрание
обуви
чтобы чувствовать иные миры
и общение на других волнах

Лана Сабур *Дубовое зёрнышко...*

ДОЖДЛИВЫЙ МУМУ

цветами водосброса
заброшены
каляянулы
я одеваюсь в крестные
одежды и гуляю
настоем из трав
омыта моя вселенная
мимо идут люди
очерченные мелом
лежат не двигаются их тени
из серого из серы
из пепла не от дерева
дарю тебе я угли
рисуй по телу
круги и полосы
я в волосы
закутаюсь не стану беспокоить
настоем из трав
омыта моя вселенная
не брат ты мне по времени
не брат по крови
ни по мышлению
ни по течению
ни против

не против ли
ты чая из гортензии
в потайном месте
я спрячу тебя
вейся
в маленькое окошко свет
на голову тебе
изрешеченный дождь

настоем из трав
омыта моя вселенная

после удара в гонг
из ведра посыплются
чашелистики и пестики
кошка в клетке
на одной ноте заснет
протяжная
крапленая лепестками
сирени
потечет Ганг по земле и по
небу
окунешься в него
и вынырнешь где-то
где вселенная вся под водой

БУМАЖНЫЙ ДИВАН

на раскладном бумажном диване
диване сложенном гармошкой
я пускаю галок в открытую форточку
они летят вслед за поездом
и вместо меня скоро попадут туда, где мне место
в ванной капает кран, и вода на полу бесится.
пол становится судоходной рекою
корабли как слоны трубят и шныряют
соседи подглядывают в замочную скважину
гости заискивающе смотрят в глазок...
но я пушу только тебя полюбоваться
бликами солнца на дне...
купайся в волнах моих эмоций и преобразайся
может быть мне удастся превратить твои будни в праздник
может быть ты перестанешь делать обыденной мою жизнь
всем зашедшим через окно – символический подарок
шляпа из свежей газеты и гофрированный веер
если сделать акцент на декорациях –
проявится настоящее вне сомнений

Артём Филатов Никому не нужна поэзия...

* * *

Небо над полем битвы,
молчаливый гаруспик,
что ты видишь в разъятых
животах мертвецов?
Один из них, опрокинутый,
как дырявый мешок с требухой,
мерно покачивается
на колючей проволоке
неподалёку.
Чёрные кудри, достающие до
земли,
змеятся от вшей –
насекомые, словно пародируя
свои жертвы,
по-военному чётко
высаживаются на взрыхлённый
снарядами грунт.
Вот они – зубы Великого Дракона,
брошенные смертью
в густо увлажнённую почву.
Да, семена неказисты,
но как прорастут!

А пока, будто подстреленное,
закатное солнце в багрянице лучей
валится за горизонт,
и, небо,
милосердствуя,
закрывает его облаками –
красного и так слишком много.

***

Ни россияй, ни англйй, ни америк –
Только Век, застывший на ветру.
Взять бы со двора скрипучий велик
Да рвануть к апостолу Петру.

А потом в гостях за чашкой чая,
Что заварен на рыбацкий вкус,
У окна сидеть, не замечая,
Как идёт по улице Иисус.

Прайм-тайм

Всё, что нам с тобой осталось –
Ждать, когда отключат свет;
Телебашня, словно фаллос,
Возвышается в Москве:

«Тили-тили»,
«Трали-вали».
«Бей жидов!»,
«Куплю-продам».
Нас с тобою... обманули.
Вот такой, дружок, прайм-тайм.

Око зверя

Око зверя открывается,
готовится взять в себя
красное солнце, пыльную прерию, рассветную
дымку,
горизонт, полный света и птиц;

но вокруг - ничего, темнота,
хоть выкалывай око –

человек проснулся первым.

Артём Филатов Никому не нужна поэзия...

***

поэзия не нужна ни мне, ни тебе, ни ему
никому не нужна поэзия

словно ветхая вещь,
завалившаяся в подкладку
информационной эры

какое-нибудь кресало
бесплезное, неуклюжее и смешное

вынешь его из далёкого шкафа,
повертишь, брезгая пылью, в руках,
подивишься упорным и грубым предкам
да положишь обратно –
в долгий, вечный ящик забвения

и снова – за компьютер
или спать

а там, глядишь, и конец света скоро

***

«Бога нет», - сказал безумец
И в безумии своём
Подарил мне свой трезубец,
Польхающий огнём.

И с тех пор мне то известно,
Что никто не говорит:
Что хтоническая бездна
Адским пламенем горит.

***

Бегай вокруг меня –
7,
10,
15 кругов!
Поднимай пыль сандалиями,
Прыгай, вскидывай руки,
Воскликвай на своём непонятном,
ангельском языке!

Кто ты?
Ребёнок.
Кто я?
Не знаю.
Майское дерево, столб, задремавшая в тени
горгулья,
часовой,

замёрзший у мавзолея?
Не важно.
Важно лишь то,
что я стою.

Так бегай, поднимай пыль, вскидывай руки,
воскликвай!
Авось раскачаешь меня...

...ты меня раскачаешь...
...вы нас раскачаете...

Артём Филатов Никому не нужна поэзия...

* * *

В последнюю ночь новой эры
беги из зачумлённого мегаполиса,
где длина оптоволоконка,
масса ежедневно потребляемых продуктов
и количество однополых браков на душу населения
уже давно превосшли самые смелые мечты
мирового сообщества
и всего прогрессивного человечества.

Пусть замызганная электричка
привезёт тебя
на вокзал провинциального города,
погребенного под пылью
и равнодушием центра к периферии.
По деревянному настилу
в немощном свете далёких фонарей
перейди через рельсы
и углубись в пахнущий клаустрофобией лабиринт
гаражей из выцветшего кирпича.

Ты увидишь черноликих бомжей,
пьющих расхристано и громко у серой стены
(один из них, полулежащий на земле,
бледный и глухо дышащий,
умрёт в эту ночь),

но не думай уходить - грядущий рассвет
никому не под силу встречать в одиночестве –
просто шагни в тень и жди.

Жди, когда с последним вздохом бродяги
новое солнце торжественно поднимется на Востоке –
золотоносная Дельта,
бафометово зеркало, отливающее сталью
и чернотой.

И вот тогда можешь идти, ползти, бежать куда хочешь –
под лучами люциферического рассвета,
целящего в лоб и правую руку,
все свободные дороги ведут к месту последней битвы.

Дарья Серенко Мёдопись

Ветки трещин

На старых домах ветки трещин
Раскидистой и длинной...
Меняя обычные вещи,
Брожу в лабиринте дней.
Я стала для всех нездешней,
Не знаю, по чьей вине...
На старых домах ветки трещин
Раскидистой и длинной.

Ночная зарисовка

Полоумная луна
На полу полощет тени.
С круглой важностью нуля
Жжёт в углу сыром поленья.
Лупоглазый полумрак
Уползает сквозь страницы,
Не постичь ему никак
Полноты полёта птицы.
Купола полночных снов
Сквозь оборванные флаги
Прорвались. И грудой слов
Проявились на бумаге.

Вопросы-ответы

Два вопросительных знака
Поставьте зеркально, столкните.
Вы видите сердце?
Любовь с двумя точками:
Одна - начало, другая - конец.
Зависит всё лишь от ответов.

Песня

Ведь люди шьют чехлы для пыльных кресел,
Накидывают ткань на зеркала...
А мне бы сшить чехол для старой песни,
Чтоб вернуться больше не могла
Слезами на глаза: внутри - ей тесно.
А мне б не вспоминать о ней и всё...
И снег уже не снег, а просто плесень.
И мы уже не мы, а просто сон.

Свеча горела на столе
свеча горела
Б.Пастернак, "Зимний вечер"

Ресниц смыкая черные концы,
Ночь стала восхитительно безлунной,
И свечи, как голодные птенцы,
К бумаге тянут огненные клювы.

Я остаюсь традициям верна,
Предпочитая лампе эти свечи+
И то ли ветер, то ли Пастернак
Перелистнул стихи на "Зимний вечер".

***

А в сердце вытаяли ниши
Для весны.
И вдвое чаще стали крыши
Видеть сны.
Снега обмякли. Свет на землю-
С ложки мёд.
Двуличный март под ноги стелет
Гололёд...
А эта мёдопись по хлебу
Схожа с тем,
Как льётся с солнечного неба
Свет вдоль стен.

Мария Четверикова *Троллейбус небесный*

***

Такие осадки сойдут за осаду:
из дома – никто и домой к нам – никто.
А дождь барабанит по стеклам как надо,
до жути пугая домашних котов.

Гроза разрывает тяжелое небо,
ей молнии в радость горстями метать.
Потоки воды – хоть забрасывай невод
и, может быть, даже поймашь кита.

Еще не сентябрь, не расплата за кражу
земного тепла из небесной казны.
Мне город кивает рекламной растяжкой:
еще отогреемся после грозы.

***

Транспорт общественный, выставший за ночь,
зимнему солнцу подставил бока.
Листья, забытые за зиму напрочь,
спят в своих почках-клубочках пока.

Солнечный свет с выси льется отвесно,
ряби отгадка проста и легка:
ходит по небу троллейбус небесный,
мягко покачивая облака.

Он перевозит дожди, снеги-вьюги,
сны и в пути потерявшихся птиц.
Запахи лета привозит он с юга,
с севера – холод, тревогу – с границ.

Ночью – все дремлет под звездною бездной,
хрупок как снег и как сон – невесом.
Знаешь, по слухам, троллейбус небесный
скоро поедет за новой весной.

***

Довериться троллейбусу
и раствориться в городе,
и вместе с этим городом
исчезнуть с карт земных.

Стать улицами, парками,
застывшими в безвременьи,
и фонарями хмурыми,
глядящими в асфальт.

Стать вездесущим шепотом
ветров речного города,
неуловимым запахом
преддверия весны,
забытыми аллеями...

И наконец-то спрятаться –
иначе мне не справиться –
от чувств моих к тебе.

Галина Рымбу
Я - вена

в пачке болит анальгин.
утро предельно неясно.
машины мчатся в ряд,
сжирают друг друга.
сумка через плечо -
повесилась, бедная...
старуха косится на мой берет...
что, вычурный
или что-то вспомнила?
кашель, шёпот,
истерика двигателя,
шипящий торговый центр,
что-то впивается в зад...
почему нельзя курить в автобусах?
почему я всегда о чём-нибудь думаю?
почему светофоры стали такими скучными?
почему нужно знать правила хорошего тона?
почему мои мама и папа были такими мерзкими в
юности?
почему решили, что рыбы молчат?
почему какой-то дерьмовый поэт написал, что люди -
рыбы?
почему пот этого жирного мужика так пахнет мочой?
почему сегодня утром я так сильно люблю тебя?
какие тупости.
мигом и сплошь.

у водителя гнусавит шансон.
бледная няхлая штуковина неба
остаётся никем незамеченной.
7:35.
я снова еду зайцем.
в который раз мне повезло.
только чёртова мигрень...
скоро вышвырнусь где-нибудь в центре,
куплю дешёвой газировки,
запью таблетку.
будет славный день.
да, чую, будет славный день...

Елена Борноволокova
Рыжий ангел

Мы едем в метро. Вместе. За руку.
От бесконечности до бесконечности.
Ты хочешь уйти, но я знаю заговор.
Сжимаю ладошку твою доверчиво.
Давит колечко мой палец без имени,
Но улыбаюсь. Боли не чувствую.
- Я разведусь с ней, любимая!
- Нам выходить.

Пусто.

***

Мышь.

Ничего личного. Просто эмоции.
Вы снова лишились двух кусочков сыра.
Для Вас это мелочь. На зуб порция.
Для меня - период безмятежного пира!
Я - мышь! И не надо смотреть испуганно!
Вижу, как рука тянется набрать "ноль-три" ...
Подарите мне ластик, папку с буквами:
"Ты не мышь! Ты яркая, три-не три!"
Помада серая. День очкастый.
Впечатанный в папку лист не тронут.
Ничего личного. Я прекрасна!
Ненавижу сыр. Спасибо, доктор,

я найду повод

Жить ярко!

***

Мой рыжий ангел сидит на кухне,
Жует горбушку, витает где-то...
Он на меня сегодня рухнул
Смущенный, взмокший и без букета.
Он тараторил про именины,
Что нас с ним двое, что больше нету,
Его глаза сияли дивным
Зеленым светом.

***

Если кажется - крестятся,
Только я не крещеная.
Копиям счет веду:
Сколько в глобус поместится?
Озираюсь испуганно:
Ты опять мне привиделся.
Может, разум подвинулся,
Сдав в аренду свой угол?
Профиль твой даже облако
Пишет. Встретимся, может быть.
Я надеюсь. Похожего
За плечо снова трогаю.

Елена Борноволокова
Рыжий ангел

***

Зуб мудрости заставляет искать фату на платье
И рецепт вишневого варенья.
Заставляет кусать лимон как яблоко
И в воскресенье лететь на работу.
Обостряет все чувства.
Делает непохожей на саму себя.
Давку в метро воспринимаю спокойно
Потому что свято место пусто не бывает.
Но переключение скоростей, каждый рывок вперед
Ощущаю кожей.
Зуб мудрости - это условность,
Которую не променяю на тысячи других условностей,
Что условно само по себе.

Может, мне достанешься,
  может, нет.
Между нами разница
  в двадцать лет.
Ёмко ставишь паузу,
  точку, три...
Всё понять пытаюсь я,
  что внутри.
Я в тебе по локоть - и
  не понять:
Ты лукавишь? Холоден?
  Ждёшь меня?
Может, верен будешь мне,
  может - нет.
Малость, если любите,-
  двадцать лет!

Сергей Васильченко О халяве

О ХАЛЯВЕ

с утра поигрывал в стойка,
по вечерам садился за столики,
разговаривал с незнакомыми,
чтобы попить их пиво,
любил на халяву обедать
(поэтому шлялся по разным гостям),
бесплатно смотреть кино,
(на фестивале японских фильмов,
в кинотеатре - тепло)
просил сигареты у славных прохожих,
просил три рубля на дорогу,
но никуда не ехал,
аскал в переходе,
ночевал у почти ненавистных людей,
с утра уезжал домой,
(тоже - спрося на дорогу)
и там поигрывал в стойка,
совсем ничего не завтракал,
просто лежал и лежал,
пока наконец не припрёт,
и снова ходил по гостям,
залазил в их холодильник,
и снова аскал в переходе,
упавши на хвост музыканту,

и снова в каком-нибудь баре
подсаживался к компании,
и выпивал их пиво...

но денег по-прежнему не было!!

* * *

Каждый себе на ум,
Каждый ебёт Му-му,
Только по-своему.

* * *

во мне вырубает панка
как девственные леса
во мне выдирают панка -
как лишние волосы

они говорят: работай!
они говорят: учись!
и к новым всегда высотам
как Ёся Берштейн стремись.

"пошли вы в пезду!" - глумливо
кричу им, пока я трезв,
а после ищу на пиво.
О здравствуй, девственный лес!

Сергей Васильченко
О халаве

* * *

Девчонки, девчушки, чиксы,
Поешьте кальмары, чипсы,
Попейте свой "YAGUAR"
Давайте - валите в клубы,
Парням подставляйте губы,
Прочувствуйте перегар.

Послушайте Рому Зверя,
Подумайте о карьере
О новых фасонах шуб.
Да делайте, что хотите!
Ебьтесь, но не ебите
Мозги мне, я вас прошу.

* * *

О,
этот странный мир...
он меня так волнует,
особенно если
мёртвые люди
падают на мостовую.

А я
по сравнению с ними
гораздо живей,

а я
попиваю портвейн,
и
от меня
не убудет,
и
ничего
мне за это
не будет.

Хо-хо!
ничего
мне не будет
за это

вот только
немножечко жаль...

..что кончилось лето.

Сергей Васильченко *О халаве*

СТИХОТВОРЕНИЕ О ТОМ, ЧТО ВСЁ ТЕЧЁТ
И ВСЁ МЕНЯЕТСЯ.

...Другие времена, другие нравы...
...Другие мужики у тёти Клавды!..

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ХОККУ

Бэпэшки стали дороже,
И в них стало меньше лапши.

Это – последствия кризиса.

* * *

Я – зэт, я – игрек, дабл ю и икс,
Я чистый ангел и лукавый чёрт,
Я – чей-то пунктик и идея фикс,
Я то написан, то как надпись стёрт.

Я – синий, красный, жёлтый, голубой,
Я – медь и золото, платина и ртуть,
Я – банка спирта, и сосуд с водой,
Я – Там-ещё-какая-нибудь-муть.

А так хотелось просто быть собой
И жить нормальной жизнью половой.

СТИХОТВОРЕНИЕ ОБ ОДНОМ НЕСЧАСТНОМ СЛУЧАЕ
Шумел камыш, деревья снова гнулись,
А мы с тобою с крыши пизданулись.

* * *

Да, у тебя всё плохо,
Да, ощущаешь лохом
Себя, и считаешь сны
До самой
новой
весны.

Да, тебе в морду двинули,
Да, тебя бросили, кинули,
Да, не зажглась последняя спичка,
Но что же ты
плачешь
как пьяная
истеричка!?

Егор Бакалов
***Верные приметы близкой
войны***

* * *

Наконец, не выдержав, скидываю одеяло,
свешиваюсь с кровати
и долго всматриваюсь в темноту:
конечно же там никого нет,
кроме выброшенных носков
и запуганных сломанных кукол.
Волосяное щетинистое чувство не покидает меня.
Кушаю сметанку, творожок, маслице.
С упоением ищу в холодильнике вечное упокоение.
Закрываю руками лицо,
прячась от мух, наполнивших кухню.
Приходят дворники с метлами, лопатами, вёдрами,
выгребают моё одиночество,
опавшие листья моей тишины,
замурованное моё счастье.

* * *

Не даю покоя пустой квартире,
скрежещу зубами,
свой мозг прокручиваю на мясорубке,
сердце уже надулось в микроволновке,
молчащее время вселилось в чёрное пианино,
так мало тебя в моей жизни,
так много тебя во мне.

* * *

В морозном трамвае
читал свою последнюю ветхую книгу.
Сосредоточенно кашлял.
Отсыревшими пальцами ворочал страницы.
Словно указкой,
водил бородой по выцветшим строкам.
Сквозь набухшие пожелтевшие линзы
пробирался в гущу дремотного прошлого,
в тёмную окоченевшую молодость,
далеко восвояси.

Егор Бакалов
***Верные приметы близкой
войны***

"Пионерское" детство

Образцово-правильные рюкзаки, фенечки, булавки, нашивки, косынки, косухи, значки с анархиями, пацификами, рунами и пентаграммами, фабричного и кустарного производства.

Черные футболки с Игорем Фёдоровичем -- молодым и старым.

Эпатажные матерочки в стихах и песнях собственного сочинения.

Сбор денежных средств с гражданского населения с протянутой шляпой на курево, хлеб и бухло.

Разжигание эмоциональной возни,
благородные чувства субкультурного превосходства
и распирающая радость от неслыханного величия своей вселенской тоски.

* * *

И вот я превращаюсь в некое подобие летающей по воздуху рыбы.

И целые жизни прохожих всплывают у меня перед глазами.

И кто-то уже перечитывает мои школьные тетрадки,
найденные на городских свалках.

И долгие годы я прожил микробом в асфальтной трещине.

Мне это не снится, это конец.

Егор Бакалов
***Верные приметы близкой
войны***

* * *

Верные приметы близкой войны:
проворные мужчины скупают муку и сахар,
женщины рожают одних лишь мальчиков.
И мы всё равно ничего не успеем,
против нас уже все обернулись.
Я бросался к тебе,
искал в темноте
твои холодные щёки,
натываясь на раскалённые батареи,
чьи-то мокрые волосы
и разбросанные чемоданы.
В последнюю минуту приходят на помощь
святая очищенная красота
и вечные воспоминания о тебе.

* * *

И всё-таки я решаюсь,
ножом разрезаю грудную клетку,
наконец-то нащупав какой-то образовавшийся корень,
с силой выдёргиваю эту причину,
эту болезнь.

Сознание надувается в голове масляным пузырьём,
с лица осыпается омертвевшая кожа,
волосы сложены в прозрачный мешок,
глаза прикрыты,
лишь слышно как осторожные крысы грызут в тишине
свои тёплые гнёзда...

Можете приступить, господа.

Егор Бакалов
**Верные приметы близкой
войны**

* * *

Наш народ едет на дачу,
одевшись словно бомжи,
в последний раз, прибраться под зиму.

40-летняя женщина
(с прической и в шляпке),
великодушно уступает место вошедшему старику
(с клюкой,
самодельной сумкой,
в рубашке с застёгнутой верхней пуговицей,
синий пиджак затаил в себе бывшую робу,
в кожаной кепке,
облупленной, но покрашенной гуталином,
в болоньевой куртке с незаживающими швами на
рукавах),
который уже нашел себе приятную собеседницу по
летам.
(помнит ли он что-нибудь о войне?),
не успеваю отдернуть свой взгляд, и он замечает его.

Девочка, почти уже девушка,
с уже покрашенными губами,
разговорилась с кондуктором,
(и я спрашиваю себя, может быть я маньяк, и должен её
убить за её красоту?).

* * *

Люди, ковыряющиеся в темноте
в мусорных баках,
почти незаметные, словно крысы.
Встречаются по вечерам
и зачем-то сохранившимся даром речи
обсуждают свою конченную омерзительную жизнь.
Неторопливо перебирают цепочку своих урн, -
занятие, поглотившее их навсегда.
По весне вытаивают из-под сугробов.
Собираем по несколько штук за выезд.

Нучча Надо же...

люся

искрятся растопыренные вербочки
сигарет. пальцы как у девочки.
похоже на мхатово-нечайное
этих нерво-плеч-ладоне-век качание.
и в конце все тот же ствол огнедышащий,
а потом с начала в пропись: жи-ша-ща,
все равно вставляя Ы прям под дых себе.
и молчу. и очень громко.
в де
це
бел.
и баян ладоней хочет навыворот,
и из сердца уже клапан выниривает,
крутиииитися-вееееертится шар...
ду (на выыыдохе) ша???
только и произносишь:
да как же..
и потом месяц ничего,
не пикнешь даже.

надо же

да и как ты раскинешь руки, если не в крест, если не в
ширь этих волостей,
у тебя, птица певчая, иудейская пыль на хвосте,
и земля эта невпопад, но всегда готовая взять,
но она для тебя - это шар, на котором не устоять.
то есть не чернозем, а сквозняки в тебе,
и дудят в тебя ветры, чудеса в тебе, как в трубе,
то есть, если дышишь, ты сама по себе - до ре ми,
плюс - святым воздухом можно тебя кормить.

*

как мы смотрим в любовь, мы не смотрим в любовь - это
мы,
заживает все, если перекисью промыл,
доживает все в том углу, из которого родилось,
и растет по комнате в кривь дурную и вкось.

*

Нучча Надо же...

***

говорила со мной. что только не наговорила.
сначала саня, саня. поедем в болота. будем любимыми.
потом на работе под два метра ростом, зеленый глаз,
парила,
а он только и мог, что зеленым глазом пиф-паф,
выстреливать из карабина.
говорила с тобой. что только не насказывала.
ой-ёй. любимое пианино.
вспоминала, как ставила розу в вазу,
а потом ногу в черный чулок санпеллегрино.
ночь перед рождеством - волшебная:
может, потому что у тебя рождение, может, у бога
сына.
коровкина травка внутри целебная,
даже если она - дырка от сыра.

***

как умираю киты? просто остановился?
а потом медленно-медленно на самое дно.
вот так же, когда на всю жизнь влюбился,
а потом не видишь одного - того.
так и падаешь, тяжелый, блестящий,
можешь падать лет тридцать,
летишь вниз всей своей любовью настоящей,
не перестаешь кружиться.

снег

спасибо, что ты наконец-то пришел, снег -
с тобой так легко забыть, тебя так легко задеть,
меня так легко купить, если с утра успеть
в окно смотря, крикнуть мне в спальню: пошел снег.
спасибо, что ты прощаешь опять все.
спасибо, что пахнешь детским моим сном,
спасибо, что у меня есть дом и этот дом занесен,
спасибо, что ты опять за моим окном.
верность твоя - это такой покой.
как раненая сижу: тельняшка, а ноги в плед.
и то, что я остаюсь навсегда с тобой,
этому объяснения, вобщем, нет.
я долго помнила море и солнечный круг,
пусть всегда будем я и мама (и будет так),
но юг сорвался с моих одиноких рук,
и теперь я живу в стране, где один госзнак:
летающий с неба хлопьями белый снег,
скорбящий и дышащий - страшно в него сапог,
и когда он идет, тяжело из окна разобрать - где человек,
а где бог.

Нучча Надо же...

единым

и я была когда-то тебе хлебом,
и ты брал в руки то, что отродясь
не знало рук и спело в это небо,
и хлеб, и руки – это наша связь.
куда я, бог? – я спрашиваю землю,
когда ты, бог, отдашь тепло руки?
меня намолотил святой Емеля,
меня едят простые рыбаки.
я не растаю, я не белый сахар,
все, что однажды было во мне (мякоть) -
все это ты. мой превеликий пахарь
сначала дал мне умереть, потом заплакать.
и воздух черств стал - всё моя мука,
она уже осилила разлуку
с землей, которая есть те же облака,
но до сих пор ждет только твою руку.

чик

видишь, стало намного лучше после пятой.
очень теплый декабрь, и нет болезням. серьезно.
может быть, мне придется в больничную лечь палату
лишь для того, чтоб родить и счастливые лить слезы.
потому что я плачу. бывает, иконы плачут.
потому что я плачу. не часто. иконы кормят.
не смотрю альмадовара, а про дельфинчиков передачи,
и рот занят стихами, а не сладким попкорном.
эти все животные знают меня. я их знаю.
они добрые, теплые, на стрем по-разному уши.
я любила кормить за дедыным старым сараем
кроликов. и не знала тогда, что их люди кушают.

Екатерина Смитиенко
**Я, кроме как НАВСЕГДА , не
умею**

Всё
Неслучайно
Непредсказуемо
Исчерпано.
Я рисую безумное нечто.

Истерика,
Порывшись
В моём сокровенном
Вечером
Наутро мне глаза сузила.

Значит, два красных на все оглядки+

Наверное, надо заняться чем-то,
Как-то отвлечься.
Только чтобы не сильно меня калечило+
Например, изучать диффузию,
Или растить на окне фиалки,

Пока боль не износится.
Спиной ощущаю, однокрылое нечто
Со стены на меня озабоченно косится..

*****

Уже нету силы, и я отползаю
В потерявшее смысл "назад".
Изображение чёткостью смазано
Мне застилает глаза.

Путь по прямой оказался спиралью
И выгнулся мёртвой петлёй.
Мне повезло, если я умираю,
Не выживши в сердце твоём.

Мои лабиринты бетонными стенами
Сошлись к одному тупику.
И хрустом внутри и внезапно по темени
Недомололи в муку.

Тебя от ожёга как кожу срываю
И сползаю на мартовский снег.
Мне повезло, если я умираю,
Если ты не прижился ко мне+

Екатерина Смитиенко
**Я, кроме как НАВСЕГДА , не
умею**

****

Ложись рядом,
Целуй в помаду,
Возбуждай - дай
Сто оборотов!
А ну их, уродов,
До финиша к подвигу - по фигу,
что будет позже,
Слизывай с кожи
Золотое свечение - чем
К тебе прикипела
Всем телом,
А может, глубже - лужи
Еще не высохнут
А мы сызнава
К той же вершине - иней
Накроет город...
...Сбиты приборы...
...Едва силы найду
в бреду
шепнуть - "любимый"...

Я, кроме как НАВСЕГДА , не умею.
Пряная осень стремиться быть с нею,
В кровь просочиться глубже и глубже...
Слушай:

Я волк-одиночка, усталый и старый,
Не имеющий пары и с сбежавший из стаи.
Ты-нежная жертва моих предвкушений -
Целовать тебя в шею...

Изломать и распять твое тело собою,
И глотку сорвать от безумного воя!
Чтобы ты никому! никогда! не досталась
Моя радость...

Обмануть эту боль - невозможность быть с нею...
Ведь я, кроме как НАВСЕГДА не умею!
Сквозь осень ее пронести прямо в снежность...
Я люблю тебя, девочка,
Ты - моя нежность...

Николай Артюшкин
Белка и Стрелка

*** единой...

Ты выходишь на кухню в ночной рубашке,
а там на столе, представляешь,
сидит Петя Ручкин
и пьёт молоко из чашки -
а кухня вся залита лунным светом -
ты стоишь напротив окна,
а Петька протягивает руку
и говорит: - полетели!
я покажу тебе розового слона!
а ты говоришь: - нет, Петь...
я уже выросла...
давай, я подарю тебе свои игрушки?
а Петька мотает головой и улетает.

и теперь, когда ты доходишь до ручки,
ты выходишь на кухню в ночной рубашке,
становишься в лунном свете напротив окна
и говоришь:
- Петя?
Петя Ручкин?

но ты уже выросла,
и он не ответит.

да и вообще завтра рано вставать.

*** единой...

Сапфо Марии Магдалине

Соединяя нас совсем нагими
на перекрестии путей горит в иконе
в Вагине
в Агнце
в агонии любви лицо Богини -
соединяя
нас
уже
совсем

другими

соединяя нас совсем

нас не догонят

твоя Сапфо

Николай Артюшкин *Белка и Стрелка*

Мы будем вдвоём.
мы будем одни.
мы будем как Белка и Стрелка.
Dixi.
Включай огни.
готовься к встрече.
к случке.
к стыковке.
Наша остановка не отмечена на карте.
Прощай, Москва.
Да здравствует партия
и лично товарищ Сталин!
замолчите, пожалуйста...
дайте поспать..
уберите микрофоны,
мы так устали.

Мы будем лететь в вакууме,
в невесомости,
медленно-медленно перебирать лапами,
сонно ударяясь о стенки борта,
расширяя аорты от нехватки кислорода -
сколько ещё осталось?
пока не кончился сухой паёк,
пока не сели батарейки,
мы будем спать с тобой
вдвоём
под одной телогрейкой,

завернувшись в красные флаги,
будем присылать друг другу смс
с банальными фразами, вроде:
я люблю тебя...
о чём ты сейчас думаешь?

Нас могут связать и развязать,
случить и разлучить,
раздать наших щенков
пионерам на острове Куба -
мы летим высоко -
поцелуй меня в губы,
проведи по горячей щеке щекой...

Белки бегут в колесе...
смотри!
стрелки бегут в колесе -
замри.
Вот и всё.
Вот и все, кто бегут.
остальные стоят.
гвозди вбиты по шляпки.
Мы летим высоко...
и такая усталость...
я согрею своим языком
твои зябкие лапки...
мы остались вдвоём...

мы одни...
Вот и всё.
Ничего не осталось.

Николай Артюшкин *Белка и Стрелка*

Этот сказочный белый декабрь
вдохновляет меня на мятеж –
я слеплю себе снежную бабу!
Назову её Dame de la neige.

Я поймаю десяток оленей,
пригону королеве моей
и паду перед ней на колени,
стану лить перед нею елей.

Будем жить мы на севере диком,
ни двора не иметь, ни кола –
я Орфей, а она Эвридика –
беззаботные Бонни и Клайд.

Будем грабить чукотских буржуев
и добро раздавать беднякам –
а царевну свою наряжу я
в голубые, как небо, шелка.

- Будь со мною всегда, моя Донна –
мне иконой - твои глаза –
у нас есть колбаса и гандоны –
и снежинки в твоих волосах...

И тут снежная баба растает!
и стечёт по рукам, как вода...
и проснутся вороны стаи,
и на запад уйдут поезда.

Я очнусь в этом сером пространстве,
в этой голой и рваной весне,
тихо сяду в общественный транспорт,
и сосулька заплачет по мне.

Я люблю теперь эту погоду –
ветер тающих мартовских дней
пахнет дикой тоской и свободой,
пахнет снежной принцессой моей.

Николай Артюшкин
Белка и Стрелка

ГМ 23

Пустое пространство открытое глазу
пустое пустое открытое глазу
пространство открытое глазом
с него из дыры из паучьего лаза
ползёт шестиногий отец афродиты
убивший родителя
вот он
у левого борта
облепленный раками хронос
время сдохло
в таверне тепло
в таверне сейчас макароны...

- давайте свернём на запад
- давайте свернёмся на запад

- давайте вернёмся
- ДАВАЙТЕ ВЕРНЁМСЯ!

- давайте все выпрыгнем за борт
- ДАВАЙТЕ ВСЕ ВЫПРЫГНЕМ ЗА БОРТ!

- всё это заговор
- всё это заговор дорог и городов
- ВСЁ ЭТО ЗАГОВОР!

- давайте вернёмся назад...

- КУДА МЫ ПЛЫВЁМ?

Константин Комаров
Ни за грош

***

Стоит ли укорять
солнце за то что село
если по рукоять
слово уходит в тело?
Или в слепую даль
взгляд устремлять как мичман
если моя печаль
миру омонимична?
Нет мы совсем другие
не по пути с мальками
вечные андрогинны
мира кривой амальгамы.
Забавно – любовь разменять
осколками битых тарелок

Так смотрят часы на меня
как ты уходя посмотрела

Вечер уродлив, как гоблин,
полночь зловеща, как тролль.
Водкой с сетчатки соскоблен
зимний бесцветный пароль.

Ортодоксальные стены
на потолок наплывут,
к бритве запросятся вены:
норов у пьяного крут.

Выйдешь курить и развеешь
свой поэтический сплин,
ну а с утра протрезвеешь.
Будешь и трезвый – один.

Константин Комаров

Ни за грош

Зима монументальна,
как древняя былина.
Она в сплошную тайну
пространство побелила.

Как этот снег бесплотен!
Как он глаза слепит!
Нет, я совсем не против
себе снежок слепить.

И бросить им в надежде,
что долетит до детства,
но в детство не одеться,
как в детскую одежду.

Снежинки липнут к коже,
послушные такие...
Нет, я не в меру все же
подвержен ностальгии.

Но рафинадом в чае
тоска на сердце тает.
Снег сам не замечает
как боль он замечает.

Мне многое в вино
поставить может небо.
Но я в него взгляну
с улыбкою нелепой

и до него доброшу
очередной снежок.
Щетиною обросший,
я со снежком смешон.

Забавно я, наверно,
смотрюсь со стороны.
Но снег лежит на ветках
и ветки им полны.

И кажется, наполнен
весь мир бездвижный им.
Мне этот снег напомнил,
что внятно лишь двоим,

что лишь влюбленным внятно,
что знает этот снег:
тот вкус конфетки мятной
мною съеденной во сне.

И временем измятый,
но с вечностью в горсти
из снега и из мяты
слепил я этот стих.

Константин Комаров

Ни за грош

Пропадаю ни за целковый,
ни за медный немennyй грош,
зацелован и оцинкован
в эту нервную пальцев дрожь,
в нездоровое раздраженье,
на котором, как на дрожжах,
отражением пораженья
поднимается липкий страх.

Пропадаю ни в чёт ни в нечет,
в черновую, верченую речь,
где слова, как икринки, мечет
вечной лирики рыба-меч,
ночь за ночью, за нерестом – нерест,
строчка к строчке, к зрачку – зрачок
так, пока не впадаешь в ересь,
пока в ереси не изверясь,
пока в слове не изречен.

Пропадаю в попсу и в пепси,
по частицам себя расклепив,
в тихих строчках любимых песен
замурован, как будто в склепе,
в океан спиритизма и спирта,
в эсперанто и аспирин,
в имитации лавра и мирта,
в сперму, «сперминт» и спертость перин.

По макушку в пространство вколочен,
так, что только звони в каланчу,
по полету тоскую, короче,
как голодный по калачу.
Только душно у стрелок в аркане,
плот на месте, хоть, вроде, гребешь,
задолбали бега тараканьи
и приелся трехмерный крепеж.

Пропадаю в безумный конвейер,
в пропасть ночи и в вечера пасть,
и бумажки сую по конвертам,
шанс лелея совсем не пропасть.
Безразличьем толпы оторочен,
истолчен в толчее, как Гаврош,
в зеркалах пропадаю, короче,
ни за свет,
ни за звук,
ни за грош.

Анастасия Бугрышева

Мыльные пузыри

Я знаю, что такое любовь.

Я, ты, он, она...

Суть одна.

Тишина.

Дна найти невозможно.

У Марианской впадины нет дна,
я считала так в детстве.

Так вот любовь – это и есть она,
эта самая бесконечная впадина,
Лишающая сил, воздуха, сна,
поглощающая, убивающая,
самая прекрасная бездна.

Одна.

На всех нас.

Ныряем?

Три. Два. Раз.

Сахарозаменители.

Сахарозаменители – подсластители уксуса.

Сахарозаменители – имитация вкуса.

Сахарозаменители - никакой разницы.

Сахарозаменители – да только морщишься,
как от укуса.

Мыльные пузыри!

Покупайте мыльные пузыри!

Выдувайте и смотрите,

как лопаются они!

Так же сердца ваши

лопаются от любви!

Мыльные пузыри!

Мыльные пузыри!

Покупайте, не зевайте!

Поглядите, поглядите

на пузырьков суету!

Поглядите, как переливаются

они на свету

всеми цветами радуги!

Так же в вашем сердце

вся жизнь разноцветная мелькает!

А потом

Раз!

Два!

Лопается и тает!

Мыльные пузыри!

Мыльные пузыри!

Покупаем!

Выдуваем!

Не зеваем!

Исчезаем...

Анастасия Бугрышева
Мыльные пузыри

***

...и будь что будет.
Забудешь?
Значит, не будет
Совместных судеб.
Значит – не любил.
Не любишь.
И дальше
уже не будешь.

***

У меня в наушниках шумят самолеты
А я стою и слушаю, как идут поезда.
И во мне ярко светит солнце.
А снаружи летит вода.

И рядом холодный город
Идет и идет по лужам
И хочется верить что может быть,
Ты этому городу нужен.

Я – твое чужое время.

Я – не лучшая.
Ты это придумал сам.
Я – песок на берегу моря,
Я парю в воздухе,
поднимаемая дыханием ветра.
По мне ходят сотни ног,
не думая о боли.
Меня обдаёт волной,
и совершенно не важно,
что я думаю по этому поводу.
Я просто этот самый песок.
Песок времени,
медленно сыплющийся
сквозь чьи-то чужие пальцы.

Анастасия Бугрышева

Мыльные пузыри

Перезагрузка

Слов больше нет.
Ставим паузу.
Нет больше слов.
Тишина.
Я не печатаю смайлики.
Система повреждена.

Кукушоночье

Они поймут

И мне иногда хочется посмотреть
в её большие,
такие невозможные глаза,
Обнять, согреть, успокоить,
укрепить собой.
Но я не знаю, нужно ли ей это.
Я молчу.
Понимаю её тысячи раз, пытаюсь помочь,
переживаю, злюсь, проживаю её внутри.
И не знаю.
Не знаю, что есть там, впереди.
У неё, у меня, у нас.
И страшно.
И дальше.

здесь октябрь

Здесь октябрь. Вода стеной разворачивается от ветра.
Жизнь – как по линейке отмерянный платья крой,
Здесь так сложно и просто забыть и вспомнить порой, –
А на припуск везде оставлено 3 миллиметра.
Здесь все чаще уходят в неведомое «далеко»
Люди, лица, минуты, моменты, желанья, вещи.
Здесь вдруг ловишь себя на мысли, что
слишком много теряется в этой нелепой спешке.
Здесь сегодня похоже на завтра и на вчера,
Ходишь, как по канату, тайком ожидая подвоха.
Здесь проводят вместе одинокие вечера,
Улыбаются в ответ на стандартное «как дела?».
Не показывая друг другу правдивое
«плохо».

Николай Эйхвальд Зачем мы друг другу ответили?

Мои глаза сомкнуться не могли,
А конь и ночь друг друга торопили.
Я видел на другом краю земли
Тебя в столбе дорожной серой пыли.

Старик торговец предлагал товар,
Бросали полонянок с седел кмети,
Твои глаза, как сабельный удар,
Мир рассекли, когда я их заметил,

Я видел всё – и я не мог понять...
Степняк твоё у горла платье комкал,
А ты... А ты смотрела на меня:
Твой вечный взгляд!
Твой влажный взгляд ребенка...

И мне теперь на землю не сойти.
Зачем же я чужим окован знаком?
Но я уснул. А ты ушла в Путивль,
Чтоб на стене по Игорю заплакать.

Утро стрелецкой казни

Одиноким рассвет возвращался – далекий и прежний,
И короткие тени ушли, ожидая чего-то...
Это раннее Солнце, как самый последний мятежник,
Приближалось к ступеням с другой стороны эшафота,

Непрямые лучи обнажая в упрямом замахе,
Как протянутый крест – по законам, для нас
сбереженным...
И стрельцы забубенные головы клали на плахи,
Словно из темноты на подушки к возлюбленным женам,

Словно из темноты... Но темно было только в начале:
Если нам не забыть, так хотя бы не думать об этом!
Как румяные вдовы христосовались с палачами,
И голодные псы любовались безумным рассветом

В обезглавленном горе, как чьи-то тела, изувеченном,
В этой страшной эпохе убитых теней и надежд...
Но стрельцы уходили. А Солнце – огромное, вечное,
Одинокое Солнце - начинало последний мятеж.

Николай Эйхвальд Зачем мы друг другу ответили?

Зачем мы друг другу ответили?
Ведь письма – такие светлые
И немые -
Уходят к тебе от меня, не простив молчание.
Нет, они не вернуться ко мне
На расстояние
Может быть, века,
А может быть, нескольких сотен км
От встречи до встречи,
От пальцев до клавиш
Компьютера...
Нет, они не вернуться –
Гордые!
А ты всё сияешь
Улыбкой в своём зимнем городе.
Декабрьская вьюга,
Утренний, нежный снег...
Ты помнишь,
Ты помнишь, чего мы так долго хотели?
Никогда не писать,
Просто видя друг друга –
Во сне -
В одной постели...

Мы поверим в себя
и забудем про высшую милость:
Благородный порыв для рассудка почти
невозможен,
Только нищенка эта
просить ещё не научилась,
И её не уверить ни правдой,
ни сказочной ложью,
И никто не поймёт –
где-то рядом и где-то над нами,
Даже наша судьба,
не узнав безысходности этой,
Проявляет дождём высший уровень
не-по-ни-мань-я,
Вспоминая
старушечьи руки асфальтного цвета
Там, где мокрую тень перерезал
усталый троллейбус...
Непонятный вопрос
сквозь зевоту разбуженных улиц:
Подаяние словом...
Послушайте: что за нелепость?
Словно мартовский снег не растаял
в холодном июле...

Николай Эйхвальд Зачем мы друг другу ответили?

Когда наши дни полетят над тоской, как над пропастью,
Когда наши мысли отправятся в путь налегке –
Свою философию странствий расскажут автобусы,
И мертвый рычаг содрогнется в усталой руке,

И рев, словно вихрь, пронесется дорогами нашими –
Ведь двигатель зол, как по самке тоскующий зверь.
Он все объяснит – не словами, а километрами,
Единой строкой расстояний, побед и потерь,

Века, как стекло, разбивая на дни скоротечные,
Тревогой и шумом своим не давая уснуть...
И только две фары, как два проповедника вечности,
Ночным пешеходам покажут наш огненный путь.

В закоулке судьбы, в тихом сумраке тронного зала,
Помня тяжесть вселенной в дрожащей, бессильной руке,
Ты мне что-то как прежде, легко и спокойно сказала
На своём неземном, непонятном другим языке.

Эта тихая речь никому не покажется странной,
Но где силы понять эту горечь и этот простор?
Возвращайся – на зов из земли моей обетованной
В бесконечный и грязный, исхоженный мной коридор,

Где погиб этот мир, где мы стали немного другими,
Одиночеством звёзд подкрепляя непонятый страх...
Напиши на скрижалях моё незабвенное имя,
Нарисуй настоящее пламя в горящих глазах,

Освети и сожги – вдохновенно, угрюмо и пошло,
За ударом удар поражая священную плоть...
Накорми меня желчью, любимая, в память о прошлом:
Я так голоден здесь – я, земли моей царь и Господь,

Без побед и потерь эту жизнь начиная сначала,
В пустоту и печаль устремляя бессмысленный взгляд,
В закоулке судьбы, в тихом сумраке тронного зала,
Там где царствуют тени и руки зачем-то дрожат...

Ника

Взрывы на губах

Взрывы на губах,
И никакой романтики,
Ничего,
Что стоило бы твоего внимания.
В голове бинты,
В пустой кровати фантики,
Схождения-расхождения,
Внимания-вынимания,
Искринки в глазах,
А может, и льда сверканье,
Сладкие пальцы
И самые крепкие нервы,
Пыль в волосах,
И полное страсти дыхание,
А может быть, астма,
А может, ты тоже первый.
Забудь обо всем.
Мгновенно-сиюминутное
Никому и никогда
Еще не приносило счастья.
Сегодня вдвоем
Мы наслаждались минутами,
А завтра еще
Чья-то очередь наслаждаться.

Грань между плаксивостью и рыдательностью
нужно точно определить,
чтобы можно было туда-сюда,
вверх-вниз до самой границы
безгранично ходить,
всегда оставаясь на грани,
как самоубийца,
цепляющийся ногами
за узкий карниз
в инстинктивном желании выжить.
И снова туда-сюда,
и снова вверх-вниз,
пока линия не замкнулась,
пока я не осталась там,
став, наверно, рыдающей душой
или же плаксой, что ближе,
пока мне для того, чтобы выжить,
не нужно цепляться ногами
за этот узкий дурацкий карниз.

Влада Абаимова
Это норма...

***

Есть долг, честь и родина.
Есть полигоны.
Например, Тощкий.
Совершенствуется оружие,
рассекречивается статистика,
умирают участники.
А полигон не стоит без дела.
Кем на этот раз жертвует Министерство обороны?
Срочниками и контрактниками.
Я узнала это от одного из них.
Если за учения недосчитаются
четырёх-пяти человек – это норма.
Однажды солдата раздавило танком –
своим же танком, в нескольких часах езды от дома.
В другой раз первая САУ успела затормозить,
а вторая, идущая следом, - нет.
Рухнувшей железной башней
одному наводчику снесло половину головы,
другой отлетел на пятнадцать метров,
чудом не сломав себе шею.

Это - норма, считай, легко отделались.
А дальше все было как всегда –
парней откачали, научили, что нужно говорить,
вину «по-братски» разделили на всех, кроме начальства.
Не затевать же сыр-бор из-за каждого такого неудачника.
Да и какая разница – одним больше, одним меньше.
Вон их еще сколько, стоящих в военкоматных очередях,
хватит на все полигоны, на все войны, на все котлованы.
Вот почему пробегает мороз по коже,
когда отец спрашивает: «Сын, хочешь родину
защищать?»,
а сын отвечает: «Хочу».

Роман Ефремов Оригами...

2007

«Продукты. Рыба, мясо, бакалея...» -
Мерцает супермаркет-гастроном.
И, будущее в памяти лелея,
Электорат шагает за вином.

Подводятся итоги восьмилетки.
Покрыты краской лица городов.
И песнями полны грудные клетки,
И снова «Будь готов!» - «Всегда готов!».

Из каждого газетного киоска
Глядят проголодавшийся медведь
И триколор, где нижняя полоска
Готова слопать остальные две.

Внимай же, слушай стрекотанье стрелок,
Пока от этих песен не оглох,
Пока от скуки Клио не успела
Уснуть над тавтологией эпох.

По дороге домой
От снега ночь становится светлей,
Открыты взгляду все её пределы.
Из всех цветов остались на Земле
Лишь тёмно-фиолетовый да белый.

И, словно повторяя слово «frost»,
Хрустит ритмично снег под сапогами...
А в небе развлекается Мороз,
Из облаков сгибая оригами.

Остался позади колёсный стук
И фонари проплывших мимо станций.
Луна глядит растерянно вокруг,
Как юный кавалер на бальных танцах.

Я скоро буду дома, и когда
Дверной звонок издаст родные звуки,
Пройдет перед глазами череда
Унылых дней заснеженной разлуки.

Роман Ефремов Оригами...

Новогоднее
Августовский туман, устав по земле стелиться,
Залезает в комнату через форточку, словно вор.
Эрегированный носик чайника, предлагающий застрелиться,
Подобно стволу нагана глядит на меня в упор.

Наверно уже двенадцать или, возможно, больше.
Ночь не поспишь - и будильник увидит в тебе лжеца.
Капля рисует на зеркале шрам отражению, столь же
Неубедительный, как и сами черты лица.

Как уроженец осени, я к сентябрю старею
И начинаю желать, чтобы линия перемены дат
Прошла сквозь меня. И, возможно, чайник мудрее:
Легче покончить с собой и родиться снова, чем ждать.

Ждать, когда Персефона вернется назад к Аиду,
Лето вновь станет мумией, завернутой в листопад,
А помятая за год душа - отражением внешнего вида
Мира, который, вернувшись с банкета, ложится спать.

Чтоб наступающий мир стал для тебя реальным,
Нужно входить на его территорию без головы.
Время, в песочных часах ставшее материальным,
Утром пойдет в хозтовары за краскою для листвы.

Ночь. У соседа за стенкой кукует аська.
Спросишь "Сколько мне жить?" - сразу же замолчит.
Свет возвращается к звездам, вновь потерпев фиаско
При столкновении с пламенем вечно живой свечи.

Владимир Крун
БОЛЬШИМИ БУКВАМИ

***

За полночь так за полночь. Новое творение.
Новое раскаянье. Новая земля.
Я вдогонку прыгаю злomu вдохновению.
Начинал Есениным, кончил нотой «ля».
Микрокосмос маленький. Макрокосмос старенький.
Я один лишь взросленький подбирать слова.
Я ношусь по улицам и грызу сухарики.
Ом мани падме хумушка, друг БодхисаттвА.
Господи, унылый мой! В этом ли твой замысел,
Чтобы жить на паперти, а потом в аду?
Со своею верою в эту лужу сам я сел.
Моё счастье ждёт меня в грушевом саду.

***

- с тобой общаться - как глоток свежего воздуха
- ДЫШИ
- дышу))
- большими буквами дыши...
Е. Смитиенко & Владимир Крун

я умею быть таким красивым
это всё не я не я
смотрите и радуйтесь небо синее
как проскальзывает свет сквозь шторы
улыбаются дети работают воры
меня называют талантливым в прессе
это всё не я хрен с ней

в это время такой счастливый
такой как никогда счастливый
такой как никогда тупой
стою пытаюсь плакать
утро небо запой
позвольте вдохнуть и выдохнуть
позвольте ДЫШАТЬ БОЛЬШИМИ БУКВАМИ

а вы всё пялитесь на груду фоток
fuck you во как
на них не я не я

Владимир Крун
БОЛЬШИМИ БУКВАМИ

Я пишу.

Я пишу об образе ушедшей любви.
Воскрешать его – дело совершенно не шуточное.
Тут тебе и дежавю, и визави,
Тут тебе и аптеки круглосуточные.

Я пишу.

Я пишу об экзистенциальном страхе,
Который лишь в любви становится страшнее,
Но благороднее, понятнее, смешнее –
Вся жизнь в любви, вся жизнь на плахе.

Я пишу

Я пишу о людях, которые научили меня любить на страницах
«ЖЖ»
И набираться всяких глупостей на «РэггиРу»
Я всё это делаю, потому что не верю Хайдеггеру,
Я всё это делаю, потому что хочется верить Хайдеггеру
И мне уже сейчас можно начинать не жить.

А вы уже сейчас можете считать меня выпендрёжником
И косноязычным ублюдком.
Эх, хорошо!
Так всё здорово...
Потому что – тишина...

О любви.

Пришла.
Запахом апельсина,
Детскими фразами.
Никому не рассказывать
Просила.
Угрожала
В том что набросится,
Мой мозг лишив возможности
Сказать мне «Хватит!»,
Послать сигналы,
Чтоб тело встало
Пошло решать проблемы
В деканате.
Наивная.
Поймал, но не убил.
Поставил на заставку в телефоне.
Любуюсь иногда, спросонья .
Ха-ха.
И –
Let it be.

Travis Disco

Борьба гармоний

Борьба гармоний

Ты выходишь на передовую
Наших изнеможений.
Одна твоя пуля заставляет
Биться в кровавых гаммах
Нашу терпимость.
Смотри, как красиво ты ее убила.
Я достаю револьвер
Вынужденных переживаний.
Я достаю этот сраный револьвер,
Который лежит у меня в кармане
Порванных оправданий.
Прокручиваю барабан наших эмоций.
Всматриваюсь в дуло воспоминаний.
Я чищу зубами
Обыденную повседневность.
Спускаю курок отношений.
Выстрел!

Ночь Панацеи

Сегодня ночью я собираюсь надругаться
Над вашим образом кретинизма
Блевануть своей правдой
На ваше лоснящееся мнение
Блять. Как же меня выворачивает
От стекающих из ваших вонючих ртов
Филосовских слюней и соплей
Словно когда вы говорите,
Вы выкидываете мусор из старой квартиры
И делаете ремонт своих мыслей
Обновляете свои желтые обои морали
Не менее засмоленной штукатуркой бесчинства
Фу, блять.
Эти тупые свиноподобные сынки капитализма.
Если бы сейчас был жив мой дед
От нахаркал бы на ваши ароматные духи красноречия
И испражнился бы на вас переработанным коммунизмом
Так, как делали это раньше, при живом Ленине
И прочих проституционно-провокационных идеологах
Насрал бы на ваши спелые морды и сам Ленин
Пропагандирующий свои рамки в пределах Марксизма.
Было бы, конечно, неплохо вырезать из вас жизни
Но это слишком простая мысль для новых истин

Travis Disco

Борьба гармоний

Ликвидация последствий

Когда я выхожу на это шоссе,
Снова и снова,
Мои глаза наполняются воспоминаниями.
Черно-синяя лента.
И я чувствую тот запах,
Такой настолько сильный, что, казалось,
Еще чуть-чуть и меня разорвет на части.
И вкус, такой сладкий,
Насколько можно себе представить.
Мои руки тянутся вверх к небесам.
Я так хочу обнять тебя снова в который раз.
Heavens so cold
И эти сирены прошлого,
Что со всей силы бьют мою черепную коробку.
И синий цвет, такой яркий и быстрый,
Как вся твоя жизнь,
Которую я доживаю до тебя сейчас.
Я нюхаю кокаин прошлого,
Оставляющий след на моем лице.
И он так же сладок, как ты.
И я выпускаю дельфинов
Из моих рук,
Красных.
Из синих труб.

Сердцевина

Цвет комнаты - тюль сплавленная.
Отрекись и дай волю своим фантазиям.
По корридору,
Дальше,
Там, где никто не найдет.
В конце тебя ждут пляшущие карлики.
Они знают все,
Чего ты от них скрывал так давно.
Горящие костры возбуждения -
Искра в вены
Потопами пленных сношений.
Желтые змеи лижут твои ступни,
Черные - медленно кривыми в руки.
И цветными пирамидами север.
Кристаллами притупляется зрение.
Белые ложки - не повод для беспокойства,
Лучше присмотришься к свету пламени.
Они все скоро придут к тебе.
Подожди еще немного.
Совсем чуть-чуть.
Я знаю.

Travis Disco

Борьба гармоний

Свертки

Мескалин моих фантазий -
Дело рук острого бога.
Замотанный в красный разум -
Бодрствование пепельной мухи,
Заедающей хлеб внебрачной связью.
Лов слова словно основа
Слабой безутешной параллели
Между мной и мной.
Марки постоянно путаются.
Я беру синюю.
И втираю в десны настолько сильно,
Что мои зубы исчезают в прострации.
Я в немом восторге.
Эфир заполняет эфир.
Вытирайся, скоро песок спустится
И ничего не останется.
Я пирог счастья,
Я наполненный лимон.
Tongues.

Чрево

Вращение вокруг оси -
Движение социума.
Порочный диск
Из порошка и грязи.
Ты сможешь разорвать его?
Накачай их лекарствами язвы,
Вызови их Бога к себе
И вдохни в него смерть.
Он уже готовы.
Молоко твоей матери -
Кислота.
Испепели их святых.
Все, что тебе нужно -
Отсутствие тепла в из зрачках.
Они просят Библию на коленях
И ее свет
Режет им глаза
И складывает их руки,
Подобно замкам.
Теперь кровь твоей матери -
Неоновые огни.

Денис Домарёв

Пропуск и восклицание

* * *

Будем любить мы друг друга на расстоянии
В год я смогу выбираться к ней раза два.

Скажет жена: _____!!!
(Пропуск. Пропуск и восклицание)

Я ей отвечу: Родная, ты не права.

Молча жена удалится на кухню, до ночи
Будет сидеть там и просто курить, курить...
Что тут поделаешь: все мужики сволочи.
Нечего замуж за них вообще выходить.

Если б жила, как она, ты в другой области,
Если б была не моей, как она, женой.
Сколько бы было любви в нашем доме, Господи,
Сколько и страсти, и нежности неземной.

Выглядит утром бессмысленной истерика,
Ей не заменишь отсутствие сигарет.
Мы, дорогая, с тобою как два берега.
Будет меж нами она до конца лет.

* * *

Поздний Рим периода припадка
(При упадке как же без него)
Для меня ты полностью загадка,
О тебе не знаю ничего.

И, садясь писать стихотворенье,
Из трех букв ему название дав,
Я довольно рано с сожаленьем
Понял, что был полностью не прав.

Вроде бы, историю я в школе
Изучал активней технаук.
Файлы мозга заразились что ли,
В памяти ли вновь какой-то глюк...

Глупо, ваша правда, оправданье
В этой ситуации искать.
Вы меня простите за вниманье.
Что уж с дурака-поэта взять.

Дарья Тишакова
Резерв управленческих кадров

* * *

Я слушаю чиновника
И могу попасть
В резерв
Управленческих кадров.
Он говорит –
Федеральный бюджет.
А я хочу,
Чтобы мне
Осталось от него
Хоть что-то
Чтобы мы вечером
Могли зайти
В «Магнит»
И купить
Пачку мармелада
И пить чай
Весь вечер
Смотря в глаза
Чтобы не так сильно
Скучать друг по другу
Назавтра.
Чиновник
Много говорит.
И я буду
Много говорить.

И я буду
Много говорить.
Меня уже сейчас
Не унять.
Болтологическое будущее...
А я всё вспоминаю
Твой взгляд
И хочу заплакать.
Я знаю,
Ради чего устала
И ради чего буду жить
Завтрашний день.
И даже тот,
Кто правит государством
Ни шага не сделает
Если не ради
Чьего-то взгляда.

Дмитрий Ким
Папа не будет дзен

Порядок букв есть зеркало, что отделяет Рим от мира.
Воздушный шарик возвратится пустотой в головке сыра.
И яблоко падёт, и маятник качнётся,
Заблудится зима, закладка пролистнётся.
Ошибка скроется в словах, как волк в дворянзе,
И отплюют подгнивший текст бродяги-логофаги.
Бродить теперь в ночном лесу. Где спрятана собака?
В каком стихе, в какой строфе Евангеля от Мрака?...

Владимиру Круну

Правь, Britannia, полем футбольным.
Der Kartoffel, правь полем колхозным.
Переводчик к вольностям волен,
К опечаткам полусознанным.
На полях не поймает за хвост
Склизкий смысл гримас языка.
Отрастают в полях в человеческий рост
Два германца. Два сорняка.

Папа не будет дзен – он слишком вложился в сына,
А сын хочет мешать краски и ночью писать картины.
Мама выбила место менеджера в корпорации X,
А дочь закрылась от мира ушами, сводит в Cubase`e
ремикс.
Прадед хотел стать священником, а стал частью истории,
Дед мечтал о почтовой службе, но влюбился в море,
Отец отрёкся от сопромата и стал торговать рыбой,
А сыну 35 лет. Он давно забил на свой выбор.
У него шаманка-жена и дочка с папиными глазами,
Два кредита, золотые запонки, гастрит и удалённая работа
в Казани.
И дочка гуляет одна, она растёт хулиганкой,
Воюет с маминым красным бисером и папиным
калифорнийским фанком.

Дмитрий Ким
Папа не будет дзен

Дура

Затем нам классики зашили рот,
Чтоб заключить святой язык в объятия
Таких прекрасных низменных высот,
Что не пропеть и не пересказать. Я
Промычать готов вам треть литературы
Так громко изнутри и безразмерно,
Что музы остановятся, как дуры
И мелко перекрестятся. Наверное
Я был неправ, когда писал стихи
И их читал в народ не в корректуре.
Но все простятся мелкие грехи
За музу вдруг проснувшуюся в дуре.

Мне сестра говорит: «Она всё ещё любит тебя»
И глядит в темноту за балконом.
Это летняя ночь, над страной пролетая, припала к земле
И ладонью зажала мне окна....
Мы курим и смотрим на дальние звёзды,
На неоновый дым, на градирни и иглы прожекторов.
Там, где-то слева, стоит её дом.
И что-то мигает оранжевым, синим и белым....
Может пожарные?...
А то, что осталось от той, что любила меня
Сжимает в руке то, что осталось от фото,
Где мы так не похожи на идеальную пару.
Больные фантазии...
Я же знаю – ты сильная женщина.
Погоришь на работе, увязнешь в картонной любви
И забудешь....

Вот кто-то заходит из комнаты.
Это жена. Она меня любит сильнее....

Теперь.

*А тут должен быть манифест... или.... ну этот....
как его....
забыл....
муть идеологическая какая-то должна быть....
или реклама...
или привет кому-нибудь, как на радио....*

Редакция “Сарафанного Радио” благодарит за помощь в создании
альманаха

ГОСПОДА БОГА

родителей

мужей и жён

авторов кейгена к Corel Draw X3™

сигареты и кофе

кошек

Веру Павлову, Дмитрия Пригова и Тимура Кибирова

интернет

всех членов группы ОПГ вконтакте

а также Её Высочество Вселенскую Злобучесть

Всем спасибо

Все свободны